

УДК 8.81.81-2

ПЛЕОНАЗМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ, ФУНКЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кахарова Н. Н.

преподаватель кафедры русского языка и литературы

Кокандский государственный университет

г. Коканд, Узбекистан

nilufar.qdpi@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена плеоназма в русском языке, его истории и современных подходов к его анализу. Рассматривается эволюция понятия «плеоназм» от античных риторических трактатов до современных лингвистических исследований. Целью настоящей статьи является комплексное исследование феномена плеоназма в русском языке. Автором выделяются основные виды плеоназма (накопление синонимов, парные именованья, избыточные слова) и рассматриваются критерии его нормативности. Особое внимание уделяется соотношению плеоназма и тавтологии, а также его стилистическим и прагматическим функциям в современном русском языке. В статье приводится обзор различных методологических подходов к изучению плеоназма (структурно-семантический, когнитивный, психолингвистический и др.), а также дефиниции исследуемого термина в современных лингвистических словарях подвергаются детальному анализу. Делается вывод о необходимости дальнейшего комплексного изучения плеоназма, поскольку, рассматриваемый как явление языковой избыточности, он способен выполнять не только стилистическую функцию, усиливая выразительность речи, но и служить отражением определённых когнитивных

процессов, влияющих на формирование смысловых конструкций.

Ключевые слова: плеоназм, тавтология, языковая избыточность, риторика, лексическая норма, стилистика, когнитивная лингвистика, нормативность, дефиниция.

PLEONASM IN THE RUSSIAN LANGUAGE: EVOLUTION, FUNCTIONS, AND CONTEMPORARY RESEARCH APPROACHES

Kakharova N. N.

Lecturer of the Department of Russian Language and Literature

Kokand State University

Kokand, Uzbekistan

nilufar.qdpi@gmail.com

Annotation. The article explores the phenomenon of pleonasm in the Russian language, tracing its historical development and analyzing contemporary linguistic approaches. The study examines the evolution of the term "pleonasm" from ancient rhetorical treatises to modern linguistic research. The purpose of this article is to conduct a comprehensive study of the phenomenon of pleonasm in the Russian language. The author identifies the main types of pleonasm (accumulation of synonyms, paired names, redundant words) and examines the criteria for its normativity. Special attention is given to the relationship between pleonasm and tautology, as well as its stylistic and pragmatic functions in contemporary Russian. The article reviews various methodological approaches to pleonasm (structural-semantic, cognitive, psycholinguistic, etc.) and analyzes its definitions in modern linguistic dictionaries. The study concludes with the necessity of further comprehensive research on pleonasm, considering its communicative and cognitive significance.

Keywords: pleonasm, tautology, linguistic redundancy, rhetoric, lexical norm, stylistics, cognitive linguistics, normativity, definition.

Введение

Термин «плеоназм» происходит от древнегреческого πλεονασμός, что

буквально означает «избыток» или «чрезмерность». Данное понятие традиционно связывается с избыточностью в языке, которая приводит к многословности (Розенталь, Теленкова, 2008, с. 325). Исторический анализ свидетельствует о том, что феномен плеоназма всегда вызывал дискуссии в риторике. Уже в античности видное место в критических оценках плеоназма занимали такие риторы, как Квинтилиан, Донат и Диомед, которые воспринимали его как стилистическую ошибку, утяжеляющую и ослабляющую выразительность речи. Однако Дионисий Галикарнасский видел в плеоназме средство обогащения текста: якобы избыточные элементы могли придавать речи выразительность, ритмичность и убедительность, что было невозможно в лаконичных формах (Литературная энциклопедия, т.8, 1934, с. 680). Несмотря на прошедшие тысячелетия, эта двойственность в восприятии плеоназма сохраняется и сегодня. С одной стороны, он может восприниматься как излишний и снижающий эффективность высказывания. С другой стороны, в определённых контекстах избыточность становится стилистическим приёмом, усиливающим выразительность речи. Таким образом, оценка плеоназма остаётся открытым вопросом в современной лингвистике.

Восприятие плеоназма в русской риторике XVIII века формировалось в контексте теории фигур речи, где он рассматривался как средство выразительности, а не исключительно как стилистическая ошибка. Георгий Данилевский в своём труде «Риторика» характеризует плеоназм как «словесное преизлишество» (Маркасова, 2009, с. 60), что указывает на его тесную связь с феноменом речевой избыточности. В учебных материалах указанного периода, таких как «Наставление по риторике на примерах латинских авторов» (1746) и «Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии» (1766), плеоназм представляется как фигура речи, не совпадающая с фигурами мысли, и определяется как процесс «прибавления слов» (Курилова, 2011, с. 188). Однако, несмотря на его статус риторического приёма, уже в этот период отмечались его потенциальные недостатки. Избыточность могла не столько украшать высказывание, сколько перегружать его, снижая выразительность текста. По

этой причине авторы риторических трактатов предостерегали от чрезмерного нагромождения синонимов и рекомендовали умеренное использование плеонастических конструкций (Наставление по риторике, 1764, с. 34). Следовательно, в XVIII веке плеоназм осознавался как двоякое явление: с одной стороны, он мог усиливать выразительность речи, с другой – при неумелом применении превращался в стилистический недостаток.

В XIX веке термин «плеоназм» не был широко распространён в трудах отечественных лингвистов. В трудах Ф.И. Буслаева отсутствует прямое употребление данного термина, однако он классифицировал сочетание синонимов как «форму тавтологии, называя его «подобословием» (Буслаев, 1941, с. 180). В свою очередь, А.А. Потебня понимал тавтологию в более широком контексте, включающем устойчивые словосочетания, основанные на смысловом удвоении, что иллюстрируется примерами: «рать-сила, честь-хвала, честьслава» (Потебня, 1968, с. 226). В своих исследованиях он акцентировал внимание не только на лексическом дублировании, но и на художественной значимости подобных конструкций в текстах, особенно в фольклоре. Ученый отмечал, что в народных былинах избыточность речи не является стилистическим пороком, а, напротив, выполняет важную выразительную функцию: «Засвистал-то он во весь же свист...» — подобные формы усиливают экспрессивность и создают особый ритмико-мелодический строй высказывания.

Цель исследования

Анализ работ отечественных лингвистов XIX века показывает, что в тот период плеоназм воспринимался как сложное и разнородное языковое явление, состоящее из нескольких уровней избыточности. В первую очередь, акцент делался на сочетания синонимов, порождающих семантическую избыточность, но зачастую усиливающих выразительность речи. Второй тип проявлялся в виде парных именований, таких как «путь-дорога» или «грусть-тоска», которые, помимо стилистической функции, способствовали уточнению или расширению смыслового содержания высказываний. В свете современных исследований, выявляется, что данные речевые конструкции не только отражают эволюцию

языковых норм, но и играют ключевую роль в формировании когнитивных и коммуникативных стратегий, что подчеркивает необходимость дальнейшего междисциплинарного изучения феномена плеоназма. Третий вид плеоназмов включал действительно лишние слова, не вносящие нового смысла в высказывание. Со временем к плеонастическим конструкциям стали относить ещё один специфический вид избыточности – сочетания слов исконного и заимствованного происхождения с одинаковым значением, например, аванс вперед или экспонат образец. Данные трансформационные процессы в понимании плеоназма свидетельствуют о его сложной языковой природе и динамическом развитии концепции избыточности в русском языке.

В древнерусских текстах плеоназм играл важную стилистическую и смысловую роль, далеко не всегда воспринимаясь как избыточность. Одним из его источников было сочетание синонимов, использовавшееся для усиления выразительности и передачи дополнительных оттенков значения. Так, автор вологодской риторики отмечал, что накопление синонимов позволяет точнее передать величие или достоинство предмета (Курилова, 2011, с. 188). А.А. Потебня расширял эту мысль, утверждая, что такие конструкции не просто украшают речь, но и создают новые смысловые нюансы (Потебня, 1968, с. 433). Близкую функцию выполняли парные именованья, например, *путь-дорога* или *грусть-тоска*. Они не были механическим повторением, а образовывали более широкое, собирательное значение. В.В. Колесов подчеркивал, что такие конструкции соединяли различные аспекты реальности, а Д.С. Лихачёв связывал их с особым мировоззренческим дуализмом, отражавшим противопоставление добра и зла, телесного и духовного (Д.С. Лихачёв, 1987, с. 398). Таким образом, в древнерусской традиции плеонастические конструкции не воспринимались как лишние, а, напротив, усиливали смысловую наполненность текста и служили важным средством языкового и культурного выражения

Особенность древнерусской литературы заключается в том, что слово всегда воспринималось как носитель не только информационного, но и эстетического содержания. Благодаря такому подходу тексты того периода

практически не содержат избыточных лексических конструкций, поскольку каждая единица речи способствовала созданию целостного художественного образа. Однако, как отмечал А.А. Потебня, определённые части речи могли приобретать плеонастичность, особенно в фольклорных текстах (Потебня, 1968, с. 220). Так, местоимения часто дублировались после подлежащего и сказуемого, что придавало высказыванию ритмичность и подчеркивало синтаксическую структуру: *Отправляется Добрыня свет Никитичь Он ходить-гулять по городу по Киеву*. Наречия могли использоваться в качестве плеонастических союзов, как в строках *Оставлялося да чадо милое, Ай милое дитя да что любимое*. Частицы, например *да*, также играли важную роль, заполняя смысловые пробелы, соединяя имена и прозвища или подчеркивая атрибутивные связи: *И только не ходи нонь за Олешу за Поповича и за бабьяго да пересмешника*. Особым явлением была и плеонастичность постпозитивного *тъ*, укреплявшего структуру древнерусского высказывания. Таким образом, в рамках древнерусской языковой традиции плеонастические конструкции имели функциональное назначение, усиливая смысловую наполненность текста и служа важным средством культурного самовыражения. Эти конструкции не только придавали речи выразительность, но и способствовали формированию специфического стилистического облика, отражая традиционные ценности и способствуя более глубокому эмоциональному восприятию нарратива.

А.А. Потебня подчёркивал, что слова, которые могут восприниматься как избыточные с точки зрения норм литературного языка, в фольклоре выполняют естественную функцию, гармонично вписываясь в структуру текста и его ритмическую организацию. В этом смысле плеонастичность оказывается не стилистическим недостатком, а важным выразительным средством. Сходную мысль развивал Н.И. Греч, анализируя язык XVIII–XIX веков. В «Практической русской грамматике» (1834) исследователь описывает плеоназм как грамматическую фигуру, называемую тождесловием, характеризующуюся намеренным повторением лексических единиц с целью усиления смысловой насыщенности и привлечения внимания аудитории. Иллюстрация данного

приема – пример «*я видел это собственными своими глазами*» – демонстрирует, как повторение усиливает выразительность высказывания (Греч, 1834, с. 321). Таким образом, в разные исторические периоды плеоназм осмысливается либо как естественный элемент разговорной и фольклорной речи, либо как стилистический приём, направленный на выразительность и усиление семантического акцента в высказывании

Н.И. Греч подчёркивает, что плеоназм становится избыточным и выходит за пределы логики речи, когда дублируются отношения, не усиливающие смысл высказывания, а лишь перегружающие его (Греч, 1834, с. 321). В качестве примеров он приводит конструкции, в которых одно слово уже содержит в своём значении семантику другого, например: *учение долго продолжалось* вместо *учение было продолжительно*, *богатые сокровища*, *юный отрок*. В подобных случаях избыточность проявляется не в стилистическом приёме усиления, а в ненужном повторении смысла, что делает конструкцию менее выразительной. Таким образом, ученый различает осмысленный, функциональный плеоназм, способствующий выразительности речи, и случаи, где избыточность не оправдана с логической и стилистической точки зрения

Н.Ф. Кошанский рассматривал плеоназм с иной точки зрения, чем его современники. В *Общей риторике* (1838) он выделил фигуру *изобиливание*, определяя её как «прибавление слов, которые с логической точки зрения могли бы считаться лишними, но при этом придавали высказыванию большую выразительность и силу» (Кошанский, 1838, с. 118). В качестве примеров он приводит конструкции «*я видел это собственными глазами, слышал собственными ушами, отдал собственными руками*» (там же, с. 118), демонстрируя, что такой вид плеоназма играет роль стилистического приёма, а не речевой избыточности. Таким образом, уже в XIX веке сложилось неоднозначное отношение к плеоназму: если одни лингвисты воспринимали его как ненужное повторение, снижавшее качество речи, то другие – как средство усиления выразительности и создания акцента на ключевых элементах высказывания.

Вопросы исследования

В рамках данной работы рассматриваются два ключевых взаимосвязанных вопроса: во-первых, как эволюционировало определение и оценка понятия «плеоназм» от античных трактатов через русскую риторику XVIII–XIX вв. до современных лингвистических концепций; во-вторых, в чём заключается принципиальное различие между плеоназмом и тавтологией и возможно ли на основе чётких семантических и синтаксических критериев выработать однозначные правила их разграничения.

Методология исследования

В исследовании применялись следующие методы: историко-критический анализ риторических и лингвистических трактатов (от античности до русского Просвещения XVIII–XIX вв.), позволяющий проследить эволюцию взглядов на плеоназм; лексикографический анализ определений термина в специализированных (терминологических, толковых и энциклопедических) словарях для выявления изменяющихся параметров его нормативности и стилистической оценки; а также сравнительно-типологический метод, включающий сопоставление русских плеонастических конструкций с аналогичными явлениями в других языковых системах с целью выявить универсальные и специфические черты этого феномена.

Результаты исследования

История плеоназма в русском языке уходит корнями в античную риторику, где это явление уже вызывало неоднозначные оценки: одни считали его стилистическим недостатком, другие — выразительным средством. В русской традиции термин *плеоназм* впервые появляется в XVIII веке в риторических трудах, где он осмысливается как фигура речи, служащая украшению текста. В рамках XIX-вековых исследований, представители отечественной лингвистической школы, такие как Ф.И. Буслаев и А.А. Потебня, интерпретировали плеоназм как многоаспектное явление, включающее разнообразные формы избыточности: от скопления синонимичных слов до парных именовании и ненужных лексических элементов. Важно отметить, что в

древнерусских текстах подобные конструкции не считались стилистической избыточностью, а, напротив, обладали значимыми семантическими и прагматическими функциями. Они способствовали передаче дополнительных смысловых оттенков и отражали особенности мышления и культурного контекста эпохи. Что касается плеонастических конструкций, связанных с заимствованиями, то они фиксируются в русском языке значительно позже, и их следов в древнерусских памятниках обнаружить не удалось. Таким образом, эволюция плеоназма показывает, что его восприятие менялось со временем: от естественного явления, расширяющего семантику текста, до элемента, требующего осознанного стилистического контроля

Изучение плеоназма в русском языкознании началось в XIX веке, однако до сих пор это явление остаётся предметом дискуссий. Лингвисты продолжают сталкиваться с рядом нерешённых вопросов, касающихся его места в современной системе языка. Одной из ключевых проблем является разграничение плеоназма и тавтологии: хотя оба явления связаны с избыточностью, их границы остаются размытыми. Также актуальным остаётся вопрос классификации плеоназма, поскольку он проявляется на разных уровнях языка — от лексического до грамматического. Кроме того, существует проблема нормативности: одни плеонастические конструкции закреплёны в языке и воспринимаются как естественные, тогда как другие считаются стилистически неудачными или ошибочными. В поисках решений этих вопросов лингвисты продолжают исследовать механизмы функционирования плеоназма в речи, его влияние на выразительность текста и его восприятие носителями языка.

Вопрос разграничения плеоназма и тавтологии остаётся одним из ключевых в лингвистических исследованиях. Некоторые учёные рассматривают их как схожие явления языковой избыточности, другие же видят между ними родо-видовые отношения. В ряде случаев эти понятия не дифференцируются вовсе, что усложняет их точное определение. Однако ещё в XIX веке Ф.И. Буслаев предложил разграничение различных видов избыточности, вводя термины *тожесловие* (повторение однокоренных слов) и *подобословие*

(сочетание синонимов) (Буслаев, 1941, с. 180). В XX веке А.П. Евгеньева предложила дополнительный критерий для различения этих явлений, указывая на синтаксическую основу тавтологии: «она чаще строится на подчинительных связях, тогда как плеоназм основан на отношениях однородности» (Евгеньева, 1963, с. 101). Очевидно, что плеоназм определяется наличием конструкций, включающих семантически близкие, но не совпадающие по значению элементы. Это отличие от тавтологии, где происходит полное повторение одного и того же смысла, подчёркивает уникальную риторическую функцию плеоназма. Такой приём позволяет не только усиливать эмоциональное воздействие высказывания, но и создавать дополнительные смысловые нюансы, что делает его важным инструментом в формировании выразительной и динамичной речи.

В российской лингвистике по-прежнему отсутствуют четкие и универсальные критерии для различения тавтологии и плеоназма, что обусловлено недостаточной проработанностью комплексных исследований на материалах русского языка. Этот факт приводит к методологической неоднозначности при анализе стилистических особенностей текстов. С учетом развития современных методов анализа, таких как корпусная лингвистика и когнитивно-семантические подходы, перспективным является интеграция междисциплинарных исследований, направленных на выработку четких критериев, позволяющих более точно дифференцировать данные явления и применять их в практике языкового анализа. Отдельные аспекты функционирования плеоназма получили детальное изучение в рамках структурно-семантического подхода, где анализируются его грамматические, стилистические и семантические особенности. Так, исследования О.Я. Ляховецкой (1985, с. 101–105) демонстрируют, как плеонастические конструкции варьируются в зависимости от структурных особенностей языков, а работы М.К. Тутаришевой (2013, с. 64–69) посвящены изучению аффиксального плеоназма в разносистемных языковых моделях (Тутаришева, 2013, с. 64–69). Данные исследования позволяют выявить общие закономерности функционирования плеоназма в языке, однако они не дают окончательного

ответа на вопрос о его нормативности или стилистической оправданности. Таким образом, хотя плеоназм активно изучается в грамматическом и структурно-семантическом аспектах, его оценка с точки зрения языковой нормы остаётся открытой проблемой

Вопрос стилистической функции плеоназма остаётся важным аспектом его изучения. Лингвисты активно разрабатывают классификации этого явления, пытаясь определить границы его оправданности в языке. Среди наиболее известных систематизаций можно отметить классификации Д.Э. Розенталя и И.Б. Голуба (Розенталь, Голуб, 2003, с. 33), а также Е.Н. Геккиной (Геккина: www.lingvotech.com/paleonizm). В этих работах плеоназм рассматривается с позиций его стилистической уместности: одни конструкции оцениваются как допустимые и закреплённые в языке, а другие – как избыточные и стилистически неоправданные. Однако, несмотря на наличие таких подходов, в данных классификациях отсутствуют точные критерии, позволяющие объективно разграничить нормативный и ненормативный плеоназм. Это свидетельствует о сложности явления и необходимости дальнейших исследований, направленных на выявление закономерностей его функционирования в современной речи.

А.Н. Гвоздев в *Очерках по стилистике* анализирует ненормативные проявления плеоназма, обращая внимание на случаи, когда избыточные конструкции переходят из специализированных сфер в общеупотребительную речь. Он рассматривает выражение *порядка десяти тысяч* как пример подобного перехода, отмечая, что со временем оно утратило чёткость значения и приобрело новую грамматическую функцию, ослабив свою связь с подчиняющим существительным и превратившись в своего рода предлог (Гвоздев, 1965, с. 403–405). Лингвист приходит к выводу, что распространение подобных конструкций в бытовом языке нецелесообразно и требует устранения чрезмерной избыточности. Этот анализ показывает, что стилистическая оценка плеоназма во многом зависит от его функциональной принадлежности: одни конструкции могут закрепляться в языке и становиться нормой, другие – восприниматься как стилистически неудачные. Таким образом, стилевой аспект играет ключевую

роль в оценке плеонастических выражений, а их нормативность определяется контекстом и степенью их укоренённости в речевой практике

Современные исследования подтверждают, что плеоназм может выполнять важные художественные функции, особенно в поэтическом и художественном тексте. Е.А. Яшина рассматривает плеоназм как средство создания алогизма, при этом его появление часто связано с тавтологией (Яшина, 2009, с. 101). Р.Н. Юсубова акцентирует внимание на том, что в поэтической речи плеоназм способствует усилению эмоционально-экспрессивного эффекта, помогая автору перейти от простого изображения к образному выражению мысли (Юсубова, 2010, с. 176). Исследователь подчёркивает, что использование избыточных конструкций не создаёт двусмысленности, а, напротив, делает смысл высказывания более отчётливым, усиливая его выразительность. Таким образом, в художественной речи плеоназм не воспринимается как стилистическая ошибка, а становится инструментом передачи сложных смыслов, эмоционального колорита и глубины образного мышления.

Вопрос семантической природы плеоназма рассматривается Эр.И. Хан-Пира, который выделяет два типа этого явления — истинные и мнимые плеоназмы. По мнению исследователя, мнимые плеоназмы, такие как *письменное делопроизводство* или *государственный чиновник*, со временем утратили свою избыточность. Это связано с изменением семантики их компонентов и влиянием экстралингвистических факторов, что привело к их закреплению в языке как нормативных выражений. В отличие от них, истинные плеоназмы, например: *народный фольклор* или *незаконные бандформирования*, сохраняют избыточность, так как семантические компоненты в их составе дублируют друг друга (Эр. Хан-Пира 2003). Таким образом, анализ плеоназма с точки зрения его семантических особенностей требует учёта не только структурных характеристик выражения, но и исторической эволюции его значений, а также изменения языковых норм в связи с социальными и культурными процессами.

Прагматический аспект изучения плеоназма особенно актуален в

исследовании его влияния на восприятие речи. Так, Е.Г. Соболева рассматривает «*гиперплеонастичность* как специфическую характеристику рекламных текстов, помогающую усилить воздействие на аудиторию» (Соболева, 2012, с. 72–77). В этом контексте избыточность речи становится не недостатком, а инструментом манипуляции вниманием, подчёркивая ключевые аспекты рекламного сообщения. В свою очередь, Т.Г. Зуева анализирует использование плеоназма в теле- и радиожурналистике, выявляя причины его распространённости в медиатекстах (Зуева, 2010, с. 42). Средства массовой информации часто используют избыточные конструкции для усиления выразительности, привлечения внимания зрителей и слушателей, а также для создания интонационной и ритмической структуры речи. Таким образом, в прагматическом плане плеоназм перестаёт восприниматься исключительно как стилистическая ошибка, а рассматривается как осознанный приём, играющий значимую роль в массовой коммуникации.

Когнитивный подход к изучению плеоназма позволяет рассмотреть его не только как структурную избыточность, но и как средство смыслового развертывания информации. О.А. Зайц определяет плеоназмы как «*экспликационные сочетания*, в которых смысл одной части частично дублирует смысл другой» (Зайц, 2001, с. 25). Автор диссертации проводит комплексное исследование семантических и прагматических свойств плеоназма и тавтологии, приходя к выводу, что эти явления могут выполнять множество *иллокутивных функций* в речи. Плеоназм может служить инструментом эвфемизации, оценки, создания квазикоммуникативных конструкций, выражения вежливости, а также упрощения восприятия информации для экономии когнитивных ресурсов говорящего и слушающего (там же, с. 149–150). Согласно подходу когнитивной лингвистики, плеоназм рассматривается не как элементарный стилистический прием, а как сложный механизм передачи смысла, позволяющий адаптировать информацию под конкретные цели коммуникации.

В своей работе Изабелла Козера предлагает дистрибутивный анализ как наиболее эффективный методологический инструмент для исследования

плеоназма в русском языке. По ее мнению, многие плеонастические конструкции утрачивают негативную оценку избыточности, поскольку их семантическая функция определяется специфическим контекстом и характером лексической сочетаемости (Козера, 2012, с. 167). Это означает, что плеонастические конструкции могут иметь устойчивое употребление, обусловленное закономерностями распределения слов в речевых структурах. Следовательно, дистрибутивный анализ позволяет не только выявить системные особенности плеоназмов, но и объяснить их нормативность или стилистическую оправданность в конкретных контекстах.

Психолингвистический аспект изучения плеоназма рассматривается в работах А.Н. Бурухина, который приходит к выводу, что плеоназм в индивидуальном лексиконе выполняет ту же функцию, что и любое другое слово, выступая в качестве медиатора между языковыми единицами и когнитивной картиной мира человека (Бурухин, 2013, с. 18). Это означает, что избыточные конструкции могут не только влиять на восприятие информации, но и играть роль в организации мышления и концептуализации реальности.

Кроме того, современное языкознание активно развивает прикладные исследования плеоназмов. В частности, Н.А. Белова изучает способы их перевода, анализируя механизмы передачи избыточных конструкций в других языках (Белова, 2015, с. 127–132). В свою очередь, М.Н. Есакова рассматривает тенденции употребления плеоназмов в современном русском языке, подчёркивая их значимость для обучения переводчиков (Есакова, 2012, с. 24). Таким образом, плеоназм становится не только объектом теоретического анализа, но и важным элементом прикладной лингвистики, имеющим значение для межъязыковой коммуникации и когнитивных процессов.

Анализ существующих подходов к изучению плеоназма в отечественной лингвистике позволяет выделить несколько ключевых выводов. Во-первых, изучение этого явления восходит ещё к античной риторике, где плеоназм трактовался как стилистическая фигура, вызывающая неоднозначные оценки. Во-вторых, в XIX веке отечественные лингвисты, такие как Ф.И. Буслаев,

рассматривали плеоназм как разновидность тавтологии, используя термин *подобословие* для обозначения сочетания синонимов. Впоследствии, в ряде исследований, наблюдается смешение понятий тавтологии и плеоназма, что обусловлено отсутствием чётких критериев их разграничения.

Третьим важным аспектом является двойственность оценки плеоназма: он воспринимается как проявление языковой избыточности, но в то же время может выполнять выразительную функцию. Современные исследования плеоназма ведутся в рамках различных лингвистических направлений – от структурно-семантического и прагматического до когнитивного и психолингвистического. Однако до сих пор отсутствуют комплексные исследования, охватывающие все аспекты этого явления в русском языке. Тем не менее, несмотря на активное изучение плеоназма отечественными лингвистами, не выработано единого подхода к его классификации и дефиниции. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего углублённого анализа, учитывающего как историческую эволюцию плеоназма, так и его современное функционирование в различных стилях и дискурсах

Современные лингвистические исследования демонстрируют многообразие подходов к определению плеоназма, что связано с его сложной природой и пересечением с понятием тавтологии. Исторически плеоназм нередко отождествлялся с тавтологией, особенно в работах лингвистов XIX века, таких как Ф.И. Буслаев и А.А. Потебня, которые рассматривали его как одну из разновидностей тавтологии. Однако со временем сформировались различные теоретические концепции, позволяющие выделить несколько ключевых подходов к его дефиниции.

Первый подход продолжает рассматривать плеоназм как разновидность тавтологии, сосредотачиваясь на его лексической избыточности. Второй подход, предложенный Д.Н. Ушаковым, Ж. Марузо и Л.И. Василевской, трактует плеоназм как более широкое явление, в состав которого входит тавтология как частный случай. Третий подход исходит из понимания плеоназма как самостоятельного языкового феномена: либо как стилистического приёма

усиления выразительности (О.С. Ахманова, В.А. Виноградов), либо как лишнего повторения слов без функциональной необходимости (Т.В. Жеребило, БТС). Разные подходы объясняют его как результат языковой избыточности, как стилистическое средство или как самостоятельную языковую структуру, что подчёркивает необходимость дальнейшего изучения его функциональной и семантической природы.

Анализ современных лексикографических источников показывает, что плеоназм редко рассматривается как разновидность тавтологии, несмотря на их сходство в плане языковой избыточности. В ряде словарей, включая терминологический словарь В.П. Москвина, плеоназм трактуется двояко. С одной стороны, он определяется как случайный алогизм, возникающий в результате смысловой тавтологии, например, в конструкциях *более интересное* или *памятный сувенир*, где одно из слов оказывается избыточным. С другой стороны, плеоназм осмысляется как стилистический приём амплификации, заключающийся в нагнетании синонимов для усиления смыслового акцента, что характерно для экспрессивной речи и художественных текстов (Москвин, 2007, с. 146). Данный подход отражает двойственную природу плеоназма: он может быть как ошибкой, нарушающей языковую норму, так и сознательным приёмом, усиливающим выразительность речи. Разграничение этих аспектов остаётся нерешённым вопросом, поскольку в лингвистике не существует строгих критериев, позволяющих однозначно определить, в каких случаях плеоназм воспринимается как речевая избыточность, а в каких — как средство стилистической экспрессии

Современные лингвистические исследования показывают, что плеоназм всё реже рассматривается как разновидность тавтологии. Это указывает на явную тенденцию к их разграничению как самостоятельных языковых явлений. Если ранее эти термины нередко использовались взаимозаменяемо, то сегодня наблюдается стремление к более точному определению границ каждого из них. Тавтология всё чаще трактуется как повторение однокоренных слов, тогда как плеоназм — как смысловая избыточность, возникающая в результате

дублирования значений.

В отечественной лингвистике одним из наиболее распространённых подходов к определению плеоназма является его интерпретация как широкой языковой категории, включающей различные виды избыточности, среди которых тавтология занимает подчинённое положение. Такой взгляд впервые был представлен в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова и впоследствии получил развитие в ряде работ по лексической семантике и стилистике, где тавтология определяется как «разновидность плеоназма, а само явление характеризуется как оборот речи, содержащий однозначные или дублирующие друг друга слова, например: *спор был долгий и продолжительный*» (Толковый словарь русского языка, 2000, с. 201). Однако словарная статья не содержит строгих аргументов в пользу такой классификации, что не мешает этой концепции получать дальнейшее развитие в лингвистических исследованиях. Подобный подход отражает попытку систематизировать различные формы языковой избыточности, но оставляет открытым вопрос о границах между тавтологией и плеоназмом, поскольку оба явления могут проявляться на разных уровнях языка и выполнять различные функции в коммуникации.

Согласно «Словарю лингвистических терминов» Ж. Марузо, плеоназм представляет собой «явление избыточности, возникающее во фразе при употреблении слов, которые с точки зрения точной передачи мысли оказываются лишними» (Марузо, 1960, с. 211). В отличие от других исследователей, он расширяет границы этого понятия, включая в его состав не только тавтологию, но и такие явления, как перифраз, периссология и диттология. При этом лингвист не рассматривает плеоназм исключительно как языковую ошибку: он отмечает случаи, когда избыточность речи оказывается оправданной и служит для усиления выразительности, например: *Карета была опрокинута и перевёрнута*. Таким образом, подход ученого демонстрирует двойную природу плеоназма: с одной стороны, он может снижать точность высказывания, с другой — использоваться в качестве риторического приёма, усиливающего смысловую и

эмоциональную насыщенность текста.

В *Словаре русского языка* под редакцией А.П. Евгеньевой плеоназм определяется как «литературный оборот, основанный на сочетании однородных по значению слов, которые с точки зрения логики избыточны, например: *бежать бегом, снилось во сне*» (МАС, 1988, с. 139). Примечательно, что в данной дефиниции отсутствует прямая связь между плеоназмом и тавтологией, однако приведённые примеры демонстрируют их пересечение, что усложняет чёткое разграничение этих явлений. Если основываться на критерии логической избыточности, отличить плеоназм от тавтологии действительно затруднительно, так как оба явления связаны с дублированием смысла. Важно также учитывать стилистическую помету *литературное*, которая придаёт плеоназму статус средства выразительности, а не исключительно языковой ошибки. Однако такой подход нельзя назвать полностью объективным, поскольку он не учитывает функциональную разницу между плеоназмом, который может быть стилистически оправдан, и речевой избыточностью, которая снижает точность и лаконичность высказывания.

В энциклопедических словарях, особенно в *Энциклопедии «Русский язык»*, дефиниция плеоназма представлена наиболее подробно. Л.И. Василевская рассматривает его как «родовое понятие по отношению к тавтологии, определяя его как оборот речи, в котором используются семантически близкие и логически избыточные слова» (Русский язык, 1997, с. 344). Важно отметить, что в отличие от тавтологии, основанной на точном повторении, плеоназм характеризуется *лексической, корневой или звуковой нетождественностью* повторяемых элементов.

Автор также отмечает, что при расширительном толковании плеоназм часто воспринимается как многословие, вплотную приближающееся к стилистической погрешности. Однако ключевой характеристикой этого явления является его системная избыточность, обусловленная передачей уже выраженного смысла, что иллюстрируется примерами *лично я, своя автобиография, промышленная индустрия*. Необходимо отметить, что данный

подход исследовательницы подчёркивает двойственность плеоназма: с одной стороны, он может быть осмыслен как разновидность повтора, с другой – как языковая избыточность, граничащая с нарушением стилистической нормы. Такой взгляд позволяет увидеть плеоназм не только как ошибку, но и как лингвистический феномен, чья оценка зависит от контекста и коммуникативной цели.

Л.П. Крысин в *Толковом словаре иноязычных слов* определяет плеоназм как «оборот речи, основанный на повторении слов, схожих или тождественных по значению, приводя примеры *патриот родины* и *приснилось во сне*» (Крысин, 2008, с. 541). Однако в его словарной статье наблюдается несоответствие между определением и приведёнными примерами, такими как *горе горькое* и *путь-дороженька*, которые отражают не просто смысловую избыточность, но и семантическое или эмоционально-экспрессивное усиление. В целом, в современной лингвистике остаётся дискуссионным вопрос о разграничении плеоназма и тавтологии. Так, И.Б. Голуб считает тавтологию разновидностью плеоназма, анализируя её в контексте лексической избыточности (Голуб, 2002, с. 251). Схожий подход демонстрирует С.И. Виноградов, который видит в плеоназме как «стилистический приём, так и отклонение от лексической нормы, включая в его состав тавтологию» (Виноградов, 2011, с. 473). Это свидетельствует о том, что единых критериев разграничения данных явлений пока не выработано, и их трактовка во многом зависит от методологического подхода исследователя.

Анализ лексикографических источников показывает, что концепция плеоназма как родового понятия, включающего тавтологию, сформировавшаяся в XX веке, получила распространение в современной лингвистике. Этот подход позволяет рассматривать плеоназм одновременно как стилистический приём и как речевую ошибку, в зависимости от контекста его употребления. Л.И. Василевская выделяет ключевые дифференциальные признаки плеоназма, однако отсутствие чёткого разграничения с тавтологией приводит к терминологической неопределённости, затрудняя системный анализ языковых

явлений (Василевская 1997, с. 344). Таким образом, несмотря на устоявшуюся традицию, продолжаются дискуссии о границах плеоназма, его функциях и соотношении с другими формами языковой избыточности

Современное понимание плеоназма как самостоятельного языкового явления основано на его ключевых признаках и специфике функционирования, что отражено в энциклопедических, толковых и аспектных словарях, а также в актуальных исследованиях языковой избыточности. Анализ лексикографических источников показывает отсутствие единой дефиниции плеоназма в лингвистике, что обусловило формирование двух основных подходов. Первый рассматривает плеоназм как широкую категорию, включающую тавтологию как частный случай, а второй — как самостоятельное языковое явление, обладающее специфическими функциями в речи. Данные концепции продолжают сосуществовать в научном дискурсе, что подтверждает сложность и многогранность изучаемого явления, требующую дальнейших исследований и систематизации.

Анализ лексикографических источников позволяет выделить несколько ключевых признаков плеоназма, определяющих его природу и функционирование в языке. Во-первых, плеоназм рассматривается как

разновидность избыточности (амплификации), выраженной в накоплении смысловых дублей (О.С. Ахманова, В.А. Виноградов, Ж. Марузо и др.). Во-вторых, плеоназм может проявляться в повторении семантически близких слов или синонимов, что отмечают Т.В. Жеребило, Л.П. Крысин, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. И наконец, исследователи, такие как Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова и Л.И. Василевская, рассматривают многословие как одну из форм плеонастической избыточности. Согласно Л.И. Василевской, основным критерием дифференциации плеоназма и тавтологии является нетождественность повторяемых элементов, что делает плеоназм более сложным и многозначным языковым явлением. В отличие от тавтологии, где смысловое повторение носит буквальный характер, плеоназм создаёт дополнительные смысловые оттенки, уточняет или усиливает содержание высказывания. Будучи распространённым явлением, плеоназм функционирует на разных уровнях языковой системы: лексическом, грамматическом и текстовом. Вклад в распространение плеоназмов вносят не только литераторы и филологи, но и неспециалисты, простые носители языка: «знаковые системы создают не только лингвисты» (С.В. Лихачев 2018, с. 51). Поэтому плеоназм может быть и художественным приёмом, и ошибкой. Однако его стилистическая оценка остаётся двоякой: в одних контекстах он используется как средство риторической выразительности, способствующее акцентуации ключевых смыслов, в других — воспринимается как стилистический недостаток, ведущий к перегруженности высказывания. Опираясь на анализ источников, в данной работе плеоназм определяется как форма языковой избыточности, возникающая при дублировании разнокоренных лексем (*своя автобиография, вернуться обратно*) или грамматических конструкций (*более белее*), а также как многословие, создающее речевую перегруженность (*первые сообщения пошли уже где-то через час после регистрации*).

Заключение

Исследование феномена плеоназма в русском языке показывает его сложную и многогранную природу, связанную с историческими,

стилистическими, когнитивными и прагматическими аспектами. Анализ лексикографических источников и научных работ демонстрирует отсутствие единого подхода к определению и классификации плеоназма, что обусловлено пересечением данного явления с тавтологией и другими формами языковой избыточности. В научной традиции выделяются две основные концепции: согласно первому, он рассматривается как широкая языковая категория, внутри которой тавтология выступает частным случаем, основанным на полном дублировании смысла. Второй подход трактует плеоназм как самостоятельное явление, выполняющее особые когнитивные и прагматические функции, включая акцентуацию информации, усиление экспрессивности и компенсацию возможных смысловых пробелов в коммуникации.

Выявлены ключевые характеристики плеоназма, среди которых избыточность, повторение семантически близких слов, многословие и нетождественность повторяемых компонентов. Результаты исследования свидетельствуют о том, что плеоназм проявляется на разных уровнях языковой системы – лексическом, грамматическом и текстовом. На лексическом уровне он выражается в повторе синонимичных элементов, на грамматическом – в избыточных морфологических показателях, а на текстовом – в избыточных синтаксических конструкциях, используемых для усиления выразительности, а его оценка варьируется от стилистически оправданного выразительного средства до ошибки, нарушающей нормы речи.

Таким образом, плеоназм продолжает оставаться актуальной темой в современной лингвистике, требующей дальнейшего комплексного изучения. Особую значимость представляет его роль в коммуникации, художественной речи, а также в прагматических и когнитивных процессах. Перспективными направлениями исследований являются уточнение критериев разграничения плеоназма и тавтологии, анализ его нормативности и роли в различных дискурсивных практиках, а также рассмотрение его эволюции в контексте современных языковых изменений.

Литература

1. Белова, Н.А. (2015). Плеоназм в практике перевода: проблемы и способы передачи. *Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология*, 2015, 2, 127–132.
2. Бурухин, А.Н. (2013). Психолингвистический аспект изучения плеоназма в индивидуальном лексиконе. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 2013, 2(22), 15–20.
3. Буслаев, Ф.И. (1941). *Историческая грамматика русского языка*. М.; Л.: Издательство АН СССР.
4. Виноградов, С.И. (2011). *Стилистика русского языка: учебник для вузов*. М.: Высшая школа.
5. Гвоздев, А.Н. (1965). *Очерки по стилистике русского языка*. М.: Учпедгиз.
6. Геккина, Е.Н. (n.d.). Палеонизм. Получено с <http://www.lingvotech.com/paleonizm> (дата обращения: 10.02.2025).
7. Голуб, И.Б. (2002). *Стилистика русского языка*. М.: Айрис-пресс.
8. Греч, Н.И. (1834). *Практическая русская грамматика*. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
9. Есакова, М.Н. (2012). Тенденции употребления плеоназмов в современном русском языке. *Наука. Мысль. Созидание: материалы международной научно-практической конференции*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 24–28.
10. Зайц, О.А. (2001). *Семантические и прагматические свойства плеоназма и тавтологии (на материале русского языка)*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 180 с.
11. Зуева, Т.Г. (2010). Избыточные конструкции в теле- и радиожурналистике: причины и следствия. *Журналистика: наука и практика*, 2010, 2, 40–45.
12. Козера, И. (2012). Дистрибутивный анализ плеоназма в современном русском языке. *Studia Slavica Polonica*, 2012, 27, 160–173.

13. Кошанский, Н.Ф. (1838). *Общая риторика*. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
14. Крысин, Л.П. (2008). *Толковый словарь иноязычных слов (2-е изд.)*. М.: Эксмо.
15. Курилова, Е.П. (2011). Риторические практики в российском образовании XVIII века. *Вестник Московского государственного университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2011, 3, 185–190.
16. Литературная энциклопедия (1934). М.: Коммунистическая академия.
17. Лихачёв, Д.С. (1987). *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Советский писатель.
18. Лихачев, С.В. (2018). Коммуникативные аспекты функционирования гибридных текстов. *Коммуникативные исследования*, 2018, 3 (17), 47-65.
19. Ляховецкая, О.Я. (1985). Грамматические особенности плеоназма в славянских языках. *Славянское языкознание*, 1985, 5, 101–105.
20. Маркасова, Л.Г. (2009). *Воспитание риторического мастерства*. М.: Флинта.
21. Москвин, В.П. (2007). *Терминологический словарь: плеоназм как стилистический приём и речевая ошибка*. М.: Флинта.
22. Наставление по риторике на примерах латинских авторов (1764). СПб.: Академия наук.
23. Потебня, А.А. (1968). *Из записок по русской грамматике*. М.: Учпедгиз.
24. Розенталь, Д.Э., Голуб, И.Б. (2003). *Стилистика русского языка*. М.: Айрис-пресс.
25. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. (2008). *Словарь-справочник лингвистических терминов*. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
26. Русский язык: Энциклопедия (1997). М.: Большая Российская энциклопедия.

27. Соболева, Е.Г. (2012). Гиперплеонастичность как приём создания рекламного воздействия. *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*, 2012, 4, 72–77.
28. Толковый словарь русского языка (2000). (Т. 2). Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Издательство «Астрель».
29. Тутаришева, М.К. (2013). Аффиксальный плеоназм в грамматических системах разносистемных языков. *Вестник Чеченского государственного университета*, 2013, 3, 64–69.
30. Хан-Пира, Эр.И. (2003). О мнимых и истинных плеоназмах в современном русском языке. *Филологические науки*, 2003, 2, 45–52.
31. Юсубова, Р.Н. (2010). Плеоназм в художественном тексте как фактор экспрессивности. *Вестник Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, 2010, 3, 170–178.
32. Яшина, Е.А. (2009). Плеоназм как средство создания алогизма в поэтическом тексте. *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2009, 68(4), 98–104.